

УДК 339.9; 338.2 DOI: 10.14451/1.254.419

Формирование стратегии региональной экономической устойчивости в условиях геоэкономической фрагментации: опыт России и Ирана

© 2026 **Урунов Асрор Алижонович**

Профессор, доктор экономических наук, кафедра Мировая экономика и международные экономические отношения. Государственный университет управления.

E-mail: urunov@rambler.ru

© 2026 **Мамонтов Алексей Вячеславович**

Аспирант, лаборант-исследователь Отдела экономических исследований. Институт Востоковедения РАН.

E-mail: alx.mamontoff@yandex.ru

© 2026 **Шапвалов Глеб Александрович**

Аспирант. Московский университет Синергия.

E-mail: shapovaloff190500@gmail.com

Ключевые слова: глобализация, геоэкономическая фрагментация, регионализация, регионализм, мировая экономика, региональные экономические связи, национальные экономические стратегии, Россия, Иран.

В статье рассматриваются структурные изменения мировой экономики, связанные с трансформацией классической модели глобализации и усилением процессов геоэкономической фрагментации. Исследование исходит из положения о том, что современные сдвиги не означают свёртывания международных экономических связей, но отражают изменение форм и направлений их организации, при котором глобализация всё в большей степени реализуется через регионально локализованные экономические пространства, что актуализирует задачу переосмысления понятийного аппарата и интерпретации новых форм трансформации глобализационных процессов.

Особое внимание уделяется регионализации как устойчивому современному экономическому процессу. Регионализация рассматривается авторами как один из ключевых механизмов адаптации мировой экономики к условиям геоэкономической фрагментации.

Объектом исследования выступают процессы геоэкономической фрагментации и регионализации в условиях глобализации мирового экономического пространства. Предметом исследования являются совокупность экономических отношений государств и агентов в процессах геоэкономической фрагментации и регионализации. Теоретическая новизна работы заключается в актуализации понятия геоэкономической фрагментации и его интерпретации через категорию регионализации. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов при анализе внешнеэкономических стратегий государств, функционирующих в условиях геоэкономической фрагментации.

Эмпирическая часть исследования построена на анализе двух кейсов – России и Ирана, которые рассматриваются как самостоятельные примеры адаптации национальных экономик к изменению глобальной среды. Показано, что в условиях ограниченного доступа к традиционным глобальным институтам и каналам международного взаимодействия обе экономики вырабатывают собственные модели встраивания в формирующуюся регионально ориентированную архитектуру мировой экономики.

Полученные выводы позволяют рассматривать опыт двух стран не как частный случай адаптации к внешним ограничениям, а как отражение более широкой тенденции изменения логики глобализации, в которой устойчивость и региональная согласованность становятся важнейшими факторами развития международных экономических связей.

Введение

В начале XXI века мировая экономика вступила в фазу глубокой структурной трансформации. Расширение международной торговли, рост транснациональных производственных цепочек и институциональное оформление глобальных правил больше не воспринимаются как универсальный и необратимый вектор развития. Вместо этого усиливается внимание к изменению конфигурации глобальных связей, их пространственному перераспределению и возрастанию роли политико-экономических факторов.

Важно отметить, что в современном научном дискурсе зачастую подчёркивается, что происходящие изменения не означают свёртывания глобализации как таковой [35]. Речь идёт о перенастройке механизмов международного взаимодействия, в рамках которой прежняя модель всеобъемлющей интеграции уступает место более сложной и неоднородной структуре. Трансграничные потоки товаров, капитала и технологий (основные маркеры глобализации) сохраняются, однако всё в большей степени концентрируются в пределах региональных и политически согласованных пространств. Для обозначения данной трансформации в аналитической повестке закрепился термин «геоэкономическая фрагментация» [26; 30]. При этом следует отметить, что в отечественной научной среде данный термин пока не получил устойчивого распространения и используется ограниченно. В российском исследовательском дискурсе сходные процессы чаще описываются через категории региона-

лизма и регионализации [2; 13; 19]. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка содержательной интерпретации данных терминов в связке с концептом геоэкономической фрагментации, что позволяет уточнить их аналитическое наполнение и расширить теоретическую рамку изучения трансформации глобализации в современных условиях.

Цель данной статьи – проанализировать геоэкономическую фрагментацию мировой экономики как структурный этап глобализации, а также исследовать взаимосвязь этого процесса с регионализацией, которая выступает в роли ключевого механизма адаптации к новым условиям. В рамках исследования особое внимание уделяется опыту России и Ирана, который позволяет проследить, каким образом страны с ограниченным доступом к традиционным глобальным институтам формируют собственные модели экономической устойчивости и встраиваются в формирующуюся регионально ориентированную архитектуру мировой экономики.

В качестве эмпирической базы используются данные международных организаций и официальной статистики. Методологическая основа исследования строится на сочетании методов сравнительного анализа, описательной статистики и кейс-стади. Такой подход позволяет сопоставить общие тенденции мировой экономики с национальными траекториями развития.

Геоэкономическая фрагментация мировой экономики

Современная экономическая глобализация (также известная как вторая волна глобализации) сформировалась во второй половине XX века под воздействием либерализации торговли, финансов, технологического прогресса и институционального оформления международных правил [25; 34]. После создания Всемирной торговой организации и расширения мандата МВФ и Всемирного банка в 1990-е годы мировая экономика вступила в фазу ускоренной интеграции [12]. Так, расширение транснациональных корпораций и формирование глобальных цепочек добавленной стоимости обеспечили рост мировой производительности, но одновременно усилили взаимозависимость и концентрацию рисков (рис. 1).

Рисунок 1 демонстрирует начавшийся активный рост торговли, когда усилились процессы торговой либерализации, расширились глобальные цепочки добавленной стоимости и произошла экономическая интеграция стран Азии, Восточной Европы и Латинской Америки. Как видно, доля мировой торговли в ВВП выросла с 38% в 1990 году до 61% в 2008 году.

К 2000 году доля торговли достигла 50%, а в 2008 году – 61%, что отражает пик классической модели глобализации, основанной на свободном движении товаров, капитала и технологий [23]. Мировой финансовый кризис 2008 года показал пределы либерализации и зависимость глобальных потоков капитала от политики нескольких финансовых центров. После кризиса правительства усилили контроль над стратегическими отраслями и стали применять протекционистские инструменты, что ослабило динамику мировой торговли.

После финансового кризиса 2008 года соотношение торговли к мировому ВВП стабилизировалось. Несмотря на кратковременный рост в начале 2010-х, показатель перешёл к колебаниям вокруг уровня 56–59%, что указывает на замедление глобализации.

Следующий переломный момент связан с пандемией COVID-19. Глобальные цепочки поставок оказались неустойчивыми перед ограничениями на передвижение товаров и рабочей силы. К примеру, значительная доля фирм и производителей пересмотрела свои стратегические подходы к организации цепочек поставок, усиливая внимание к устойчивости, диверсификации источников и локализации (*reshoring* и *near-shoring*) как потенциальным механизмам снижения рисков [22]. Динамика на рисунке 1 после 2020 года подчёркивает изменение структуры мировой экономики: резкий рост показателя в 2022 году до 63% был вызван в основном номинальным удорожанием энергоносителей и сырья, а не реальным расширением международной торговли. Уже в 2023–2024 годах доля торговли снизилась до 57%, что подтверждает временный характер всплеска.

Данные о реальном объёме мировой торговли на рис. 2, очищенные от инфляции, уточняют общую динамику и позволяют дополнить интерпретацию номинальных показателей.

В начале 2000-х годов индекс торговли демонстрировал быстрый рост – с примерно 1100 пунктов в 2000 году до 1700 пунктов в 2008 году. Такая динамика совпадает с периодом ускоренной глобализации, когда международные производственные цепочки расширялись, а также наблюдался устойчивый рост мирового спроса. Мировой финансовый кризис стал точкой перелома: объём реальной торговли сократился примерно на 12–13%, что стало крупнейшим падением после Второй мировой войны. Однако уже в 2010 году началось восстановление, достигшее к 2018 году уровня около 2000 пунктов. В этот период рост реальной торговли продолжался, но темпы были заметно ниже, чем в 2000-е годы. Это отражает фазу так называемой *slowbalisation* – замедления глобализации при сохранении высокой взаимозависимости [21].

Пандемия COVID-19 вызвала кратковременное снижение объёма международной торговли, однако падение оказалось значительно мягче, чем в 2009 году. Быстрое восстановление

Рис. 1. Доля мировой торговли в мировом ВВП, % (1990–2024) [36].

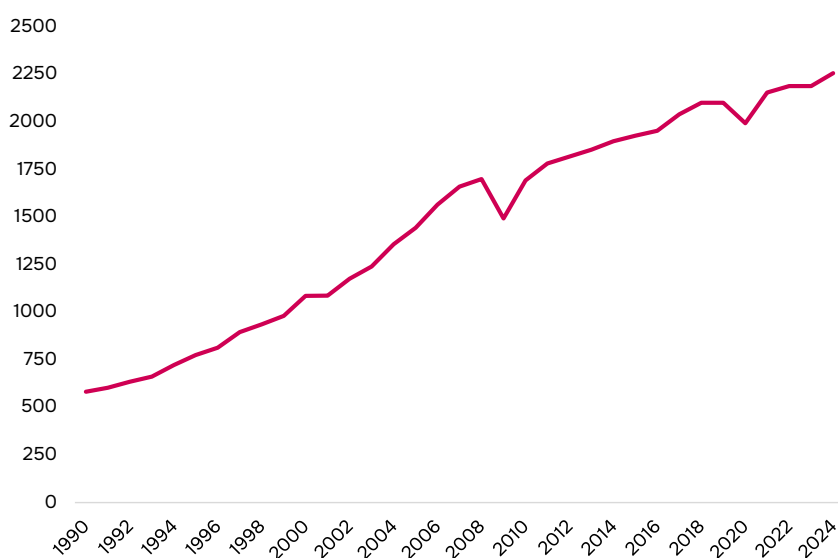

Рис. 2. Индекс мировой торговли [31].

в 2021–2022 годах связано с адаптацией логистики и изменением структуры спроса, при этом динамика остаётся умеренной. Индекс постепенно повышается до уровня около 2200 пунктов к 2024 году, что указывает на продолжающийся рост торговли, но в рамках новой, менее интенсивной глобализационной траектории.

Сопоставление двух индикаторов позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, международная торговля продолжает расти как в номинальном, так и в реальном выражении, однако темпы роста заметно снизились по сравнению с 1990–2008 годами. Во-вторых, после 2008 года структура торговых потоков изменилась: рост всё меньше определяется расширением глобальных цепочек и всё больше — региональной концентрацией и перенастройкой

маршрутов. В-третьих, скачок 2022 года в доле торговли к ВВП связан преимущественно с ценовыми шоками и не означает восстановление прежней экспансионной модели глобализации.

Таким образом, статистика торговли подчёркивает ключевой тезис современных исследований мировой экономики: глобализация не прекращается, но теряет прежнюю однородность и превращается в систему региональных взаимодействий. Реальный объём торговли растёт, но рост происходит уже в иной конфигурации — в условиях так называемой *геоэкономической фрагментации*.

После 2022 года экономическая трансформация приобрела выраженное политическое изменение. Санкционные режимы, экспортный контроль в отношении чувствительных технологий и ужесточение доступа к критически важным ресурсам ускорили разделение мировой экономики на группы стран, выстраивающих взаимодействие преимущественно в пределах «своих» блоков. В современной литературе подобную динамику описывают как геоэкономическую фрагментацию – политически обусловленный разворот от модели всеобъемлющей глобальной интеграции к более строго очерченной системе экономических и технологических сфер влияния [20; 26; 30].

Важно подчеркнуть, что по своей сути геоэкономическая фрагментация связана не с сокращением глобальных связей, а с их переориентацией, а именно с изменением направлений трансграничных потоков товаров, капитала и технологий в сторону более регионализированных и политически консолидированных форматов взаимодействия. В международных расчётах увеличивается роль региональных валютных соглашений, движение капитала становится всё более избирательным: компании предпочитают инвестировать в географически и политически близкие юрисдикции [20].

Рост протекционизма стал ещё одним выражением геоэкономической фрагментации. Государства активнее применяют тарифные и нетарифные барьеры, стимулируют импортозамещение и вводят ограничения на экспорт критических технологий. Так, количество действующих экспортных ограничений на сырьевые и промышленные товары за последние пять лет выросло более чем вдвое [28]. Усиление экономической безопасности становится главным приоритетом, что изменяет принципы международной конкуренции.

Изменение структуры цепочек поставок отражает переход к более локализованным формам производства. Глобальные цепочки добавленной стоимости сокращаются, в то время как доля внутрирегиональных поставок растёт во

всех макроэкономических зонах [38]. Компании стремятся сокращать логистические риски и создавать «короткие» цепочки – это явление обозначается как ре-регионализация («*re-regionalization*») мировой экономики [26].

Укрепление региональных блоков стало прямым следствием вышеперечисленных процессов. Форматы интеграции – от Европейского союза до БРИКС и АСЕАН – приобретают всё большее экономическое значение. Тенденция к формированию автономных производственно-финансовых зон отражает стремление государств снижать внешние зависимости и повышать устойчивость к шокам [24]. Мировая экономика в таком ракурсе постепенно утрачивает характер единой сети взаимосвязей и развивается как совокупность взаимодействующих региональных систем [29].

Регионализация как ответ на геоэкономическую фрагментацию

Мировое экономическое пространство представляет собой сложную и многокомпонентную систему, формируемую совокупностью устойчивых хозяйственных взаимодействий, потоков и связей, возникающих между территориями и её экономическими агентами. Оно не сводится к географическим границам и определяется не столько физической протяжённостью, сколько характером экономической активности, распределением ресурсов и структурой межрегиональных взаимодействий. Экономическое пространство включает совокупность регионов мира, различающихся уровнем развития и специализацией [4]. Формирующиеся между регионами экономические связи позволяют им раскрывать собственный потенциал и получать новые преимущества посредством интеграций различной степени.

Экономическая интеграция регионов направлена на формирование институциональных и рыночных условий, способствующих свободному взаимодействию экономических субъектов в пределах объединённого пространства. Она направлена на углубление взаимозависимости

регионов через развитие торговли, инвестиций, инфраструктуры и формирование общих институтов, что способствует созданию общего экономического пространства. Формирование межрегиональных связей происходит под влиянием регионализации и регионализма.

Несмотря на то, что и регионализация, и регионализм направлены на интеграцию регионов, сами эти процессы имеют фундаментальные различия и свою природу:

Регионализм – это осознанная политико-идеологическая стратегия государств, направленная на формирование региональных институтов (создание наднациональных органов управления) и механизмов управления, создающих инфраструктуру для развития межрегиональных экономических связей. Он развивается через межгосударственные соглашения, интеграционные союзы и организационные структуры. *Регионализация* – это, от части, стихийный процесс углубления экономических, производственных и институциональных связей между регионами. Он формируется через развитие торговли, движение капитала, создание производственных цепочек и рост инфраструктурной взаимозависимости. Этот процесс отражает фактическое сближение экономик, возникающее под воздействием рыночных стимулов и конъюнктуры, главный импульс данного процесса происходит непосредственно от участников интегрируемых регионов [27].

Таким образом, для создания прочных экономических связей между регионами недостаточно лишь политических и институциональных инициатив, поскольку именно экономические агенты, обеспечивая присутствие в регионе-реципиенте и ведя там деятельность, подкрепляют межрегиональные связи растущим товарооборотом, трансфером капитала и технологий, а также в некоторых случаях провоцируют трудовую миграцию, что подстегивает процесс интеграции регионов. При этом важно отметить, что без целенаправленных усилий государств и формирования международных институтов

путем реализации политик регионализма, глобализация, с упоминания которой начинается данная работа, как процесс ускоренной общемировой интеграции регионов, была бы невозможна. Помимо прочего, регионализация может служить основой для возникновения политического регионализма, а его зрелая форма, в свою очередь, выступает мощным фактором усиления интеграционных процессов. Следовательно, эта дихотомия является эффективным инструментом для интеграции субъектов экономического пространства.

Динамика развития мировой экономики, описанная в предыдущем разделе статьи, показывает, что вектор направления регионализации смещается в сторону поиска более устойчивых и надежных экономических связей. Для характеристики происходящей геоэкономической фрагментации рассмотрим динамику количества действующих региональных торговых соглашений.

Динамика количества действующих региональных торговых соглашений отражает структурный сдвиг в архитектуре мировой торговли. С начала 1990-х наблюдается устойчивый и практически непрерывный рост. После создания ВТО темпы распространения региональных соглашений резко ускорились, что привело к формированию многоуровневой системы региональных режимов.

торговли, дополняющих или заменяющих многосторонние механизмы. К 2025 году общее число действующих соглашений превышает 350, что свидетельствует о переходе мировой экономики к модели, в которой ключевую роль играют не универсальные правила, а региональные режимы. Ускорение роста RTA в 2010-2020-е годы и всплеск соглашений по услугам указывают на адаптацию государств к фрагментации глобальных цепочек, усилению протекционизма и ослаблению многосторонней торговой инфраструктуры. Тем

самым подтверждается, что регионализация становится доминирующим инструментом структурирования торговых связей в условиях геоэкономической фрагментации.

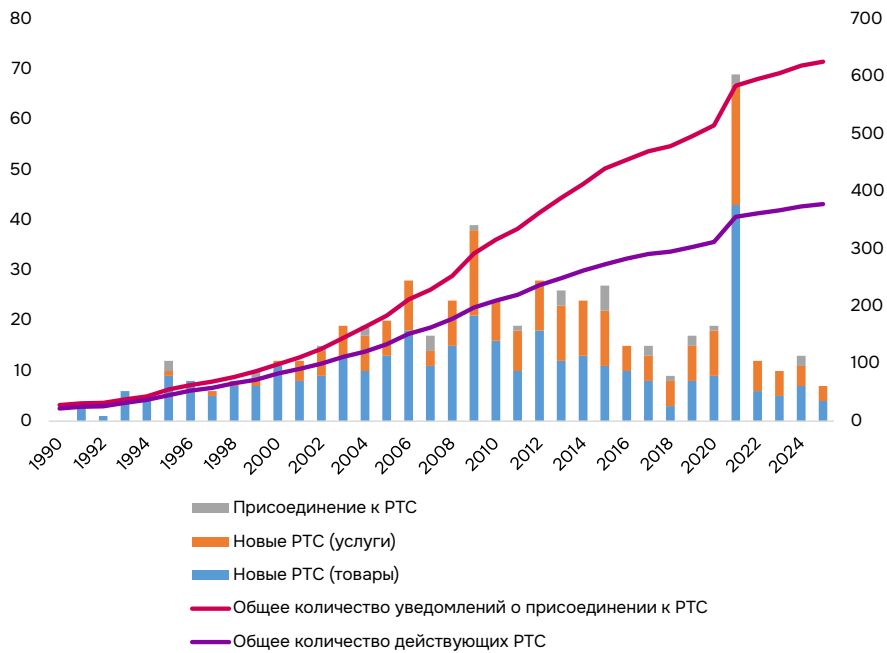

Рис. 3. Статистика действующих региональных торговых договоров, заключенных после учреждения ГАТТ [37].

Опыт России и Ирана

Российская внешнеэкономическая стратегия изначально строилась на идее глубокой интеграции в мировое хозяйство: предполагалось, что включение в глобальные цепочки добавленной стоимости, привлечение технологий и активное взаимодействие с международными институтами создадут устойчивые условия для модернизации экономики. Однако события 2014 года продемонстрировали уязвимость такой модели. Ограничения, введенные индустриально развитыми странами, выявили критическую зависимость отдельных отраслей от внешних поставщиков и зарубежной технологической базы. Этот опыт обозначил риски опоры на одностороннюю открытость и показал, что внешнеэкономическая среда может стремительно меняться по политическим мотивам, выводя российскую экономику за пределы принимаемых ею решений. В этот период импортозамещение стало одним из ключевых направлений промышленной политики, поскольку множество отраслей функционировали в условиях высокой зависимости от иностранных компонентов, технологий и комплектующих [18].

Радикальная перестройка внешнеэкономической среды произошла в 2022 году, когда существенное ухудшение отношений с индустриально и технологически развитыми странами привело к применению масштабных санкций, направленных на ограничение доступа российских предприятий к финансовым ресурсам, технологическим решениям, рынкам и логистическим узлам. Ограничения затронули широкий спектр экономических структур – от финансовой системы до поставок высокотехнологичного оборудования, программных продуктов и электронной компонентной базы. Санкционная политика, включая запрет на экспорт технологий, отключение ряда российских банков от SWIFT, закрытие воздушного пространства и морских портов, показала, насколько глубокой является внешняя взаимосвязанность российского хозяйства и как быстро она может быть нарушена в условиях геоэкономического конфликта [18].

В этих условиях реакция российской экономики опиралась на несколько ключевых направлений. Во-первых, была ускорена политика импортозамещения, выведенная на уровень стратегической задачи. Государство усилило поддержку отечественных производителей, расширило

отраслевые планы импортозамещения, разработало механизмы стимулирования инноваций и технологического развития, включая субсидирование НИОКР, запуск специальных инвестиционных контрактов [11] и создание Фонда развития промышленности. Эта политика стала инструментом снижения зависимости от внешних поставок и укрепления технологического суверенитета страны, особенно в наиболее чувствительных секторах промышленности [16].

Во-вторых, российская экономика начала перестраивать географию внешнеэкономических связей. Диверсификация экспорта и импорта стала ответом на блокирование традиционных каналов сотрудничества. Усиление взаимодействия с государствами БРИКС, расширение торгового оборота с Китаем и странами Глобального Юга сопровождалось формированием новых логистических маршрутов, совместных промышленных проектов и институциональной базы для поддержания устойчивых хозяйственных связей. Доля стран БРИКС во внешнеторговом обороте России выросла, а общие цели интеграции придали этим партнёрствам больше предсказуемости и стабильности, что критично в условиях фрагментации глобального рынка [3]. Более того, сотрудничество с зарубежными партнёрами позволяет смягчать влияние санкционного давления, формируя каналы параллельного импорта. Чтобы наши граждане не остались без нужных товаров, Российское правительство со своей стороны создает условия для их получения, даже если компании-производители или правообладатели ушли из России из-за санкций. Определенная легализация параллельного импорта позволяет государству стабилизировать рыночную среду, обеспечивая доступ к востребованным товарам, не допуская их дефицит, а также поддерживая конкурентную среду [8].

В-третьих, изменились и подходы к оценке рисков международного сотрудничества. Нарушение принципа *pacta sunt servanda* в глобальной политике и замена экономической логики политическими решениями заставили отечественные предприятия и государственные институты пересматривать долгосрочные стратегии. Участие

иностраных экономических агентов стало рассматриваться не только как фактор развития, но и как потенциальный источник уязвимости. В результате государство усилило структурное регулирование экономики, сместив акценты в сторону снижения внешних рисков и укрепления национальных производственных компетенций.

В целом анализ показывает, что геоэкономическая фрагментация трансформировала внешнеэкономическую стратегию России: от модели интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости через импорт технологий и привлечение иностранных инвестиций – к модели опоры на внутренние ресурсы, расширения промышленной базы, развития альтернативных внешнеэкономических направлений и укрепления суверенных технологических компетенций. В результате российская промышленность демонстрирует устойчивость к внешним шокам в ряде отраслей, хотя остаются сферы, для которых разрыв традиционных связей стал критическим вызовом, особенно в секторах с высокой технологической насыщенностью и прежней зависимостью от иностранных производителей.

На рубеже XX–XXI веков, когда мировая экономика переживала период стремительной интеграции, положение Ирана развивалось в иной логике. Как было сказано ранее, страны Азии, Латинской Америки и Восточной Европы активно включались в глобальные цепочки добавленной стоимости. Рост инвестиций, перенос производства и расширение внутрирегиональных рынков формировали тот период, который позднее назвали «гиперглобализацией» [32]. Иран, напротив, оставался в стороне от этих процессов. Усиление санкций США и их союзников ограничивало интеграционные возможности Ирана.

По мере ужесточения санкционного режима в 2000-х Иран оказался в ситуации, существенно отличавшейся от условий, в которых росли большинство развивающихся экономик. Ограниченный доступ к международным кредитам и институциональным механизмам глобальной экономики не давал возможности воспользоваться преимуществами открывающихся рынков [5].

Это привело к тому, что структура внешнеэкономической деятельности концентрировалась вокруг нескольких региональных партнеров – Китая, Турции, ОАЭ, Ирака [7]. Кроме того, экономическая модель постепенно адаптировалась к режиму ограниченной интеграции. Усиление роли государства в промышленности и финансах шло параллельно развитию локализованных производственных цепочек, поддерживались отрасли, которые могли работать в условиях технологической и финансовой изоляции, появлялись альтернативные логистические схемы, позволяющие поддерживать устойчивость внешней торговли [17]. То есть экономика развивалась в собственном ритме, не совпадающим с глобальными трендами, но, тем не менее, так обеспечивалась базовая стабильность в условиях высокой внешней неопределённости.

Однако в последние годы геоэкономическая фрагментация создала условия, в которых иранская модель оказалась востребованной. Когда мировая экономическая конъюнктура изменилась, страна смогла еще прочнее встроиться в формирующиеся региональные блоки, и углубление взаимодействия с Россией стало одним из наиболее заметных направлений. Санкционные режимы подтолкнули обе страны к поиску устойчивых торговых и финансовых связей, что усилило значение совместных проектов. Так, формирование транспортного коридора «Север – Юг» приобрело еще более весомое политико-экономическое основание: маршруты через Каспий и Иран обеспечивают доступ к рынкам Индии и Персидского залива, снижая зависимость от традиционных логистических каналов [1]. В свою очередь проекты в энергетике, которые обсуждались на протяжении нескольких лет, перешли в практическую плоскость именно в период, когда обеим экономикам требовались каналы устойчивого обмена [33].

Параллельно укреплялись позиции Ирана в многосторонних структурах. Присоединение к ШОС открывало каналы для политической и экономической координации с государствами Центральной и Южной Азии [10]. Вступление в БРИКС

стало символом того, что Иран рассматривается как часть более широкого пространства, формирующего альтернативную логику международного экономического взаимодействия [9]. Кроме того, сотрудничество с ЕАЭС, начавшееся в форме временного соглашения, демонстрировало постепенный рост взаимных интересов, особенно в торговле и в создании устойчивых транспортных маршрутов [6].

Финансовая архитектура также прочно вписалась в новую региональную картину. Иран и Россия расширяли использование национальных валют, объединили платёжные системы и создавали каналы, позволяющие вести расчёты вне глобальных финансовых сетей [14; 15]. Такая координация выглядела естественным продолжением тех решений, которые Иран использовал на протяжении многих лет.

Таким образом, кейс Ирана важен для понимания происходящих сегодня процессов. Страна оказалась среди тех, чьи экономические механизмы складывались в условиях фрагментации задолго до того, как этот термин вошёл в аналитическую повестку. Такой опыт стал фундаментом последующего укрепления позиций Ирана в региональных форматах и его органичного перехода к модели, доминирующей в мировой экономике после 2020-х.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что геоэкономическая фрагментация представляет собой не краткосрочное отклонение от прежней траектории развития мировой экономики, а устойчивый структурный сдвиг, отражающий трансформацию самой логики глобализации. Современные изменения не означают свёртывания международных экономических связей, однако указывают на утрату их универсального и однородного характера. Глобальная экономика всё в большей степени формируется как совокупность региональных и политически согласованных пространств, внутри которых концентрируются торговые, инвестиционные и технологические потоки. Такой формат взаимодействия снижает роль многосторонних

универсальных институтов и усиливает значение региональных механизмов координации.

Статистический анализ динамики мировой торговли подтверждает данный вывод. Несмотря на продолжающийся рост реального объёма международного обмена, его темпы заметно уступают показателям периода 1990–2008 годов. Изменяется и структура роста: расширение торговли всё меньше связано с развитием глобальных цепочек добавленной стоимости и всё больше – с перераспределением потоков в пользу внутрорегиональных связей.

В этих условиях регионализация выступает ключевым адаптационным механизмом мировой экономики к условиям геоэкономической фрагментации. Рост числа региональных торговых соглашений и усложнение их структуры свидетельствуют о переходе к многоуровневой архитектуре международной торговли, где региональные режимы всё чаще замещают или дополняют многосторонние форматы. Важно подчеркнуть, что регионализация не является исключительно результатом политических решений она опирается на реальные изменения в поведении экономических агентов, стремящихся сократить риски.

Рассмотрение опыта России и Ирана позволяет на практическом уровне проследить, каким образом геоэкономическая фрагментация влияет на трансформацию внешнеэкономических стратегий государств. Российская экономика, столкнувшись с резким ограничением доступа к традиционным глобальным рынкам и институтам, была вынуждена в сжатые сроки переориентировать внешнеэкономические связи, усилить политику импортозамещения и ускорить развитие альтернативных направлений международ-

ного сотрудничества. Этот процесс сопровождался ростом роли государства, пересмотром подходов к оценке внешних рисков и укреплением технологического суверенитета. Иран, в свою очередь, оказался в иной, но во многом показательной ситуации. Экономическая модель страны формировалась в условиях ограниченной интеграции задолго до начала глобальной фрагментации, что позволило накопить опыт адаптации к санкционным режимам и функционированию вне универсальных институтов мировой экономики. В результате изменение глобальной конъюнктуры не стало для Ирана принципиально новым вызовом, а, напротив, создало возможности для более активного включения в формирующиеся региональные блоки. Углубление сотрудничества с Россией, развитие транспортных коридоров, расширение участия в БРИКС, ШОС и взаимодействие с ЕАЭС демонстрируют, что ранее периферийная модель интеграции оказалась востребованной в новых условиях.

В целом результаты исследования подтверждают, что геоэкономическая фрагментация формирует новую конфигурацию мировой экономики, в которой устойчивость и политико-экономическая согласованность становятся не менее значимыми, чем эффективность и масштабы интеграции. Для стран, ограниченных в доступе к традиционным глобальным институтам, регионализация и развитие альтернативных форм международного взаимодействия выступают не вынужденной мерой, а стратегическим ресурсом. В этом контексте опыт России и Ирана иллюстрирует возможные траектории адаптации к формирующемуся мировому порядку, где глобализация сохраняется, но функционирует в качественно иной, фрагментированной форме.

Библиографический список

1. Андреев В. Ю., Пророков А. Н. Международный транспортный коридор «Север–Юг»: стратегическое партнёрство и значение для российской экономики // Транспортное дело России. – 2025. – № 1. – С. 85–87. – EDN JKEFEY.
2. Афанасьева О. Н., Ильина А. А. Регионализация мировой экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – 10 (128). – С. 33–37.
3. БРИКС+: путь к новому мировому порядку / Валдай. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-put-k-novomu-mirovomu-poryadku/> (дата обр. 10.12.2025).

4. Демьяненко А. Н. Регион и экономическое пространство // Регионалистика. – 2018. – Т. 5, № 3. – С. 6–15.
5. Кожанов Н. А. Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 72–91.
6. Козырев А. С. ЕАЭС и Иран: состояние, проблемы и перспективы внешнеторгового сотрудничества // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – 4 (40). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eaes-i-iran-sostoyanie-problemy-i-perspektivy-vneshnetorgovogo-sotrudnichestva> (дата обр. 29.11.2025).
7. Козырев А. С. Иран в мировой торговле: современное состояние внешней торговли и интеграции // Экономика и управление. – 2025. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iran-v-mirovoy-torgovle-sovremennoe-sostoyanie-vneshney-torgovli-i-integratsii> (дата обр. 30.11.2025).
8. Кошелева О. Э., Воробьева М. Д. импорт в качестве антисанкционной меры // Бюллетень инновационных технологий. – 2023. – Т. 7, 1(25). – С. 39–44. – EDN JBSRZZ.
9. Никонов В. А. Исламская Республика Иран – новый участник БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 103. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-respublika-iran-novyy-uchastnik-briks> (дата обр. 29.11.2025).
10. Пилипенко В. В. Анализ экономического взаимодействия в Шанхайской организации сотрудничества // Вестник ГУУ. – 2024. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ekonomicheskogo-vzaimodeystviya-v-shanhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva> (дата обр. 29.11.2025).
11. Постановление Правительства РФ от 16 июля 2015 г. № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности». – URL: <https://base.garant.ru/71137900/> (дата обр. 10.12.2025).
12. Рождественская А. В. Роль основных институтов-глобализаторов мировой экономики в развитии правового регулирования экономических отношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-osnovnyh-institutov-globalizatorov-mirovoy-ekonomiki-v-razviti-pravovogo-regulirovaniya-ekonomicheskikh-otnosheniy> (дата обр. 22.11.2025).
13. Россия в условиях регионализации мировой экономики. Мировая экономика и международные отношения / А. Широков [и др.]. – 2024. – DOI: [10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83). – EDN EITMOE.
14. Россия и Иран завершили интеграцию «Мира» и Shetab / РБК. – 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/06/07/2024/66893cc79a794779dbed22b4> (дата обр. 10.12.2025).
15. Россия и Иран почти полностью перешли на расчёты в национальных валютах / Интерфакс. – 2025. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/1009506> (дата обр. 10.12.2025).
16. Симачёв Ю. В. Новые контуры промышленной политики // доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции. – 2022.
17. Смородинская Н. В., Катукоев Д. Д. Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики РАН. – 2023. – № 6. – С. 26–42.
18. Тюкавкин Н. М. Процессы импортозамещения в промышленности России. – 2023.
19. Хейфец Б. А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // Вестник международных организаций. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 7–22. – DOI: [10.17323/1996-7845-2024-04-01](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-04-01).
20. Aiyar M. S. Geo-economic fragmentation and the future of multilateralism. – Washington DC : International Monetary Fund, 2023.
21. Aiyar S., Ilyina A. Charting Globalization's Turn to Slowbalization After Global Financial Crisis / IMF Blog. – 2023.
22. Akinbolajo O. E. Reshoring strategies and nearshoring in post-pandemic US supply chain resilience. – 2022.
23. Anderson E., Obeng S. Globalisation and government spending: Evidence for the “hyperglobalisation” of the 1990s and 2000s // The World Economy. – 2021. – Vol. 44, no. 5. – P. 1144–1176.
24. Attinasi M. G. Navigating a fragmenting global trading system: Insights for central banks. – 2024.
25. Gancia G., Ponzetto G. A. M., Ventura J. Globalization and political structure // Journal of the European Economic Association. – 2022. – Vol. 20, no. 3. – P. 1276–1310.
26. Geoeconomic fragmentation: The economic risks from a fractured world economy / ed. by S. Aiyar, A. Presbitero, M. Ruta. – London : CEPR Press, 2023.
27. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the rise of regionness // New Political Economy. – 2000. – P. 457–472.
28. Jaax A., Miroudot S., van Lieshout E. Deglobalisation? The reorganisation of global value chains in a changing world. – 2023.
29. Norring A. Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism // BoF Economics Review. – 2024. – No. 2.
30. Norring A. The economic effects of geoeconomic fragmentation. – 2024.
31. Our World in Data. Growth of global trade. – URL: <https://ourworldindata.org/grapher/>

- growth - of - global - trade ? time = 1990 . .latest (visited on 12/10/2025).
32. *Rodrik D.* The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy // *World Trade Review*. – 2011. – Vol. 10, no. 1. – P. 409–417.
 33. Russia and Iran sign memo on building small nuclear power plants in Iran / Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/russia-iran-sign-memo-building-small-nuclear-power-plants-iran-2025-09-24/> (visited on 11/22/2025).
 34. *Tang B.* Analysis on phases of globalization and convergence // *Journal of World Economic Research*. – 2018. – Vol. 7, no. 1. – P. 37–43.
 35. *The State of Globalisation* / ed. by R. Baldwin, M. Ruta. – London : Centre for Economic Policy Research, 2025.
 36. World Bank. Trade (% of GDP). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS> (visited on 11/22/2025).
 37. World Trade Organization. Regional Trade Agreements Database. – URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (visited on 11/22/2025).
 38. *Xing Y., Wang R., Dollar D.* Global value chain development report 2023: Resilient and sustainable GVCs in turbulent times. – 2023.